

Т.П. Млечко

mlechko@yahoo.com

д-р педагогики, профессор

Славянского университета Республики Молдова

Кишинев, Молдавия

Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье

Русское зарубежье, новая диаспора, языковая личность, когнитивная база, индивидуальное когнитивное пространство.

Сегодня русский язык для русских, проживающих на постсоветском пространстве и изучающих его как родной, все больше, несмотря на сущностную терминологическую разницу, подпадает в определенном смысле под обозначение «русский язык за рубежом», «русский язык для иностранцев». Это связано с усилением фактора воздействия иноязычной среды и появлением значимых лакун в когнитивной базе русской языковой личности (РЯЛ) в новой диаспоре ближнего зарубежья. Точное представление о ней важно не только для изучения феномена РЯЛ и понимания процессов, происходящих в русскоязычном пространстве ближнего зарубежья, но и для выработки эффективных, в том числе лингводидактических и методических, решений по его сохранению, по качественной репродукции РЯЛ вне России.

Бывшие союзные республики одна за другой отмечают 20-летие провозглашения себя независимыми государствами. Кардинально меняя свой геополитический статус, они в первую очередь обозначили свои национально-культурные и языковые приоритеты. Два десятилетия – это срок, по истечении которого о произошедших изменениях должны и могут судить не только политологи и экономисты, но и специалисты, отслеживающие динамику тех трансформационных процессов, которым подверглось гуманитарное пространство. Абстрагируясь от их специфики и оценки в каждой из стран ближнего зарубежья, можно однозначно констатировать общую направленность их языковой политики на закрепление доминанты государственного языка и лимитирование диапазона социальных функций русского языка, приведшее в том числе к формированию «новой русской диа-

споры» [6]. Это заметно изменило языковую ситуацию и повлияло на русскоязычную речевую практику.

Какова природа этих изменений и как при этом изменилось индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности (РЯЛ)?

Цель настоящей статьи – представить результаты наблюдений и исследований, проведенных в одном из постсоветских государств, Республике Молдова, которые позволяют приблизиться к ответу на эти вопросы, опираясь на конкретные данные.

Носитель русского языка в новом зарубежье, который является объектом нашего исследования, – феномен, специально практически не изученный. Намерение выявить характерные черты этого нового типа языковой личности, сложившегося в изменившемся геополитическом и социокультурном контексте, теоретически обоснованно.

Рассуждая о ключе, который необходим для установления связи между уровнями в структуре языковой личности, Ю.Н. Караулов отмечает, что «этим ключом должна быть экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в соотношении жизненно важных понятий, идей, представлений, историей их усвоения и присвоения в процессе социализации. Для перехода к мотивационно-прагматическому уровню опять нужна дополнительная информация, но уже не о социальной истории, а о социальном функционировании языковой личности, о ее социальных ролях и референтных группах, т.е. об «актуальной социализации», создающей ситуативные доминанты и вносящей «искажения» в относительно устойчивую картину мира» [4: 45–46].

Для практического ответа требуется, с одной стороны, детальное знание достаточно большой совокупности конкретных языковых личностей, с другой — объективное представление о специфике соответствующего коммуникативного пространства.

Информация по этим направлениям накапливалась, анализировалась и систематизировалась нами более 10 лет. (Результаты изложены в ряде публикаций [8–10 и др.]). По первому направлению — это языковые биографии, записи устной речи и письменные тексты, материалы тематических опросов и экспериментов. По второму — в качестве материала для наблюдений привлекались также тексты публичных выступлений государственных и общественных деятелей, официальные документы, публикации в СМИ, художественные произведения, интернет-сайты, включая форумы. Таким образом, нашим изысканиям, в фокусе которых РЯЛ, предшествовали и их сопровождали исследования и описания русскоязычной речевой практики, отразившей и зафиксировавшей ее молдавскую региональную специфику.

По социальной принадлежности наши респонденты — преимущественно горожане, среди которых 42 % выходцев из села. Это

представители интеллигенции (специалисты в разных областях), чиновники, студенты, писатели и журналисты. Для рассмотрения процессов в динамике мы определили 2 возрастных среза — поколение до распада СССР и после него. В первую группу вошли те, кто сформировался как языковая личность (ЯЛ) в СССР, во вторую — те, кто сложился как РЯЛ в трансформированном пространстве ближнего зарубежья. В речевой практике тех и других русский язык находится на первом месте, считается главным, хотя из-за принадлежности к иному этносу не все респонденты называют его родным.

Это обстоятельство учтено нами, как и то, что зарубежный носитель русского языка, даже не являясь активным билингвом, слабо или пассивно владеет языком страны проживания, что тоже определяет его ЯЛ. Известно, что «процесс формирования языковой личности проявляется и при изучении чужого языка. Изучение иностранных языков усложняет языковую личность» [3: 144].

Итак, русская речевая практика в государствах ближнего зарубежья отмечена региональной спецификой и представляет собой новую ипостась феномена, который принято называть русский язык зарубежья.

Анализ фактов показал, что своеобразие речевой практики на русском языке в государствах СНГ и Балтии непосредственно связано со следующими факторами:

- с появлением новых специфических реалий в самой действительности, в обиходе жителей каждой из стран;
- с различиями в номинации того общего, что было привнесено новым временем (органы власти и должности), и подходами к перенаименованию старого (топонимы, урбанонимы);
- со значительно усилившимся влиянием инациональной лингвокультурной среды на русскую речевую практику (русифицированные заимствования);
- с дистанцированием от России, исконного русского культурного пространства (опосредованные контакты).

Эти экстралингвистические факторы повлияли на языковую практику, в которой зафиксирована активизация отдельных процессов. Один из них – субституция или использование вместо имеющихся русских названий их местных эквивалентов. Например, *buletin de identitate* вместо *внутренний паспорт* или *удостоверение личности*. В Молдавии это единичные примеры по сравнению с тем, сколько их приводится в исследованиях по Израилю, Германии, США и другим странам [11]. Другой процесс – дополнение, когда в речи появляются русифицированные заимствования безэквивалентных единиц, в том числе прецедентных. Отвлекаясь от местной специфики примеров, отметим, что явление это повсеместное, зафиксированное в том числе в России. «Как результат межкультурного диалога, ускоряющего процессы современной глобализации общества, в российской прессе функционирует значительное количество инокультурных прецедентных феноменов (ИПФ). Обширные межкультурные контакты России с другими странами, интенсивно развивающиеся в последнее время, приводят к внедрению в русское культурно-информационное пространство через телевидение, прессу, кинопродукцию и Интернет инокультурных ценностей. ...Являясь национально маркированными, они входят в русское языковое сознание как инокультурные смыслы (прецедентные феномены с инокультурным фоном). Их адаптация и когнитивная обработка осуществляются на основе русской ментальности (согласно национальным моделям и образцам)» [2: 7]. Последнее важно особо подчеркнуть. Результаты обновления когнитивной базы (КБ) в России синхронно тиражируются в ближнем зарубежье. Причем независимо от места адаптация новых единиц, в том числе единиц регионального употребления, происходит по единым моделям, по образцам, задаваемым системой русского языка. В этом смысле мы можем говорить о едином процессе, характерном для современного русского языка в целом.

Наряду с появлением в русской речи новых элементов происходит и процесс редукции, когда среда дает мало примеров и

не запрашивает языкового разнообразия и богатства. Коммуникативные потребности реализуются при минимальной реализации языковых ресурсов. Это один из косвенных результатов инерционной интерференции, когда РЯЛ вынужденно подстраивается под иноязычных партнеров по коммуникации на русском языке и автоматически закрепляет в собственной речи их интерференционные погрешности и чуждые русскому языку «оттенки». Речь пока, к счастью, не идет об аттриции. Согласно задачам данной статьи подчеркнем, что ее отсутствие напрямую связано с наличием, в данном случае в Молдавии, государственной системы организованного обучения русскому языку и на русском языке – от дошкольного до вузовского звена включительно.

Все это естественным образом предопределяет характеристики РЯЛ. В процессе изучения и использования языка индивидом происходит накопление знаний и представлений, совокупность которых принято называть индивидуальным когнитивным пространством (ИКП). ИКП любой языковой личности, в нашем случае русской, формируется, как известно, на национальной когнитивной базе соответствующего лингвокультурного сообщества, в его культурном пространстве, а также в конкретном коллективном когнитивном пространстве (ККП), как правило, не в одном, а в нескольких [5: 131].

Регионально маркированная совокупность «языковых особенностей» является приметой наличия в этом пространстве совокупности общих знаний и представлений у той части русского лингвокультурного сообщества, которая объединена проживанием в конкретном инациональном социуме и принадлежностью к диаспоре.

Таким образом, структура знания РЯЛ вне России характеризуется обязательным наличием дополнительного компонента в его составе: помимо индивидуальных знаний и представлений, социальных (групповых), национальных и универсальных присутствуют еще и определенные инациональные.

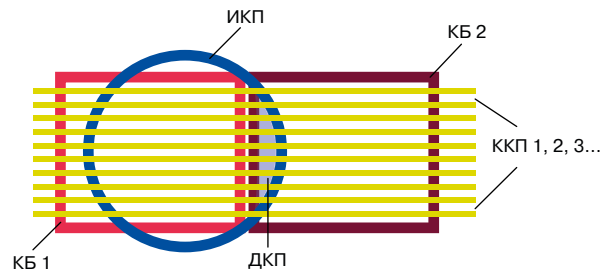
Это принципиально меняет классическую схему взаиморасположения КБ, ККП и ИКП, применяемую к одному лингвокуль-

турному сообществу. В ней «коллективное когнитивное пространство есть определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений членов того или иного социума» [1: 43], однако под ним понимается лишь отдельная социальная сфера, та или иная социальная группа (семья, профессия, конфессия, политическая ориентация и др.), т.е. специфический сегмент коммуникативного пространства единого социума [5]. Нам же необходимо определить в упомянутой схеме место и название для того когнитивного пространства, которое тоже является коллективным, но имеет при этом иной масштаб и характеристики. Речь о социуме, в котором РЯЛ пребывает постоянно и в который встроены все иные социальные сферы. Основная характеристика такого социумного когнитивного пространства – это погруженность в иной лингвокультурный контекст, где на него воздействует сила притяжения иной КБ, что также несколько ослабляет мощностность влияния исконной КБ. «Одна ассоциативно-вербальная сеть нередко вторгается в другую, концепты разных культурных миров начинают взаимодействовать, синонимизироваться, сближаться друг с другом и друг от друга отталкиваться. ...Происходит постепенное вытеснение ассоциативно-вербальной сети родного языка ассоциативно-вербальной сетью другого языка. Когнитивный тезаурус родного языка (Б) подвергается бомбардировке со стороны тезауруса Б-1» [3: 145–146].

Более всего здесь с определенной долей условности мог бы быть уместен термин **диаспоральное когнитивное пространство** (ДКП). Условность связана с тем, что диаспора как остров этнического материка ассоциируется прежде всего с сохранением (консервацией) самобытности, а не с адаптивностью.

Схематично соотношение когнитивных пространств применительно к РЯЛ в инонациональном социуме, в новой диаспоре, можно представить следующим образом. Окружность ИКП, через которую пролегают параллели ККП (1, 2, 3 и т.д.), не полностью вписана в рамку КБ 1 и несколько смещена в пространство соседствующей с ним КБ 2. Просвет между квадратами КБ указывает на

наличие общих элементов, принадлежащих универсальной КБ.

Полумесяц смещения и есть доля инонациональных знаний и представлений в ИКП РЯЛ в диаспоре. Свободные углы рамки КБ 1 свидетельствуют о наличии у РЯЛ лакун в исконной КБ. Положением окружности ИКП определяется как величина ДКП, так и размер лакун у РЯЛ описываемого нами типа. Особо следует отметить, что полумесяц изменений в русскоязычной речевой практике нового зарубежья в целом больше по своим размерам, чем в среднем у отдельной РЯЛ. Это говорит о разнице феноменов. Изменения в состоянии языковой среды не автоматически влияют на ЯЛ, происходящие перемены в том и другом не прямо пропорциональны, не синхронны, поэтому важно не экстраполировать изменения в состоянии языка в целом на характеристики ЯЛ. Так, многое в плане устойчивости и восприимчивости ЯЛ к переменам зависит от сформировавшихся у нее ориентиров. О них можно судить, например, по тому, как неодинаково русофоны Молдавии осознают и обозначают сообщество, к которому относят себя по языковой принадлежности:

- к русскому этносу;
- к русскоязычным в иноязычном окружении;
- к лингвистическому меньшинству в государстве проживания;
- к молдавским русским;
- к алолингвам (инофонам);
- к российской диаспоре;
- к российским соотечественникам;
- к русскому миру вообще (без привязки к стране).

Информация о самоидентификации необходима для объективной оценки качественных характеристик РЯЛ, так как позволяет понять мотивацию и стратегию ее развития, проследить взаимосвязь между внутренними установками и результатом.

Так, при овладении другим языком и непостоянном общении на нем в отдельных ситуациях можно в достаточной мере приобщиться к КБ иной лингвокультурной общности без заметных последствий для своей исконной языковой идентичности. В нашем случае, когда речь идет о постоянном пребывании РЯЛ в коммуникативном пространстве, где доминирует другой язык, такие последствия имеются. Для их выявления нами были определены 10 взаимодополняющих показателей: одни (1–3) охватывают характерные особенности РЯЛ на уровне самосознания и самооценки, другие (4–6) – характеризуют основные источники формирующей ЯЛ информации, третьи (3,7,8) – определяют долю заимствований, субституций и лакун, четвертые (9,10) – отражают зафиксированные в речевой практике типовые нарушения и модификации.

Ниже представлен перечень этих показателей с данными, которые соответствуют, по результатам наших исследований, максимальному смещению ИКП относительно рамок исконной КБ. (Отметим, что процентная граница устанавливалась не произвольно, а в соответствии с верхним и нижним пределом имеющихся показателей).

В таком случае РЯЛ характеризуется следующим образом.

1. Ощущает и осознает себя в специфическом (неоднородном, чужеродном) лингвокультурном пространстве.

2. Ощущает свою принадлежность к определенному его сегменту.

3. Воспринимает и использует языковые и культурные элементы инонациональной среды (единицы речевого этикета, праздничные и кулинарные традиции, топонимы, урбанонимы, сленг и т.п.).

4. Информационно-культурные источники – российские и молдавские;

собеседники по коммуникации – носители русского и румынского языков.

5. Достаточно хорошо знает местный язык.

6. Образование получено на русском языке в Молдавии по национальным учебникам, или русскоязычное семейное воспитание сопровождалось параллельным обучением в школе / вузе на молдавском языке.

7. Наличие лакун в знании исконной КБ: знание русских прецедентных феноменов – менее 50 %; знание происхождения (источника) широко известных русских прецедентных имен и высказываний – менее 50 %.

8. Ассоциативное поле отличается от русского в первых трех начальных, приоритетных по частотности, позициях [12]; в сравнительных оборотах и в конструкциях со словом *например* присутствует до 20 % единиц, отсылающих к местным реалиям, персонажам, событиям и т.п.

9. Наличие характерных (повторяющихся у многих респондентов) ошибок на всех уровнях языка, в том числе культурно-речевых. Калькирование, использование русифицированных заимствований.

10. Появление акцента и / или интонационных смещений. Как отмечается в специальных исследованиях, «родная речь вне типичных для нее ситуациях получает новую аранжировку. <...> Эмигранты, хорошо говорящие на родном языке, начинают использовать интонационные модели чужого языка» [3: 147].

За пределами этого перечня важно отметить еще одну характерную черту, которая демонстрирует (3 % респондентов постсоветского поколения) тревожный симптом – размывание идентичностей. Доля универсальных прецедентных феноменов и лексических единиц «новой волны» преобладает в номинации и экспрессии над традиционно русскими или местными.

Комбинации данных по результатам лингвистических замеров и количественные

показатели по 100 РЯЛ (Молдавия) дают различные пределы смещения окружности ИКП. Примечательно, что на данном временном отрезке (1991–2011 гг.) величина полумесяца ДКП обратно пропорциональна возрасту респондентов. Чем старше РЯЛ, тем меньше выход за пределы рамки КБ 1. Казалось бы, чем дальше ЯЛ находится в инонациональной среде, тем больше эта среда на нее влияет. Однако это лишь в некоторой степени соответствует действительности, что позволяет нам сделать важный для лингводидактики вывод: резистентность ЯЛ к лингвокультурному воздействию инонациональной среды закладывается в период ее становления, в период формирования тезауруса ЯЛ. Чем активнее, насыщеннее и полноценнее изначальное приобщение ЯЛ к исконной КБ, тем прочнее их связь – связь рамки КБ 1 с окружностью ИКП, определяющая ее подвижность. Что касается рецептивности к иному лингвокультурному миру, то оптимальное ее воплощение – формирование вторичной ЯЛ.

В педагогическом плане важно отметить, что внутренние установки формируются на определенной почве и не сами собой, как не без целенаправленного обучения проходит становление ЯЛ в рамках исконной КБ. Пробелы в образовании – историческом, литературном, культурном, страноведческом – чреваты лакунами в языковом сознании, в языковой картине мира РЯЛ нового зарубежья.

Перспективным в этом плане представляется для зарубежной русской школы культуроведение, потенциал которого рассматривается сейчас методистами применительно к преподаванию РКИ. «Первое и основное, что проистекает из такой культуроведческой позиции и целеполагания, – это то, что в центре внимания методистов и преподавателей оказывается <...> в идеале – бикультурная и билингвальная языковая личность, способная к адекватной социокультурной деятельности в условиях иной языковой и культурной общности. Именно культуроведение (а не культурология) ставит в центр методического внимания – человека, носителя определенного языка и культуры, его фоновые знания и поведенческие нормы. Подобная адресность, нацеленность становится на наших глазах общепризнанной, интерпретируется лингводидактически, обрастает методически целесообразными решениями» [7: 242–243].

Итак, структура знания РЯЛ в новом зарубежье России содержит дополнительный инонациональный компонент, который формирует особое диаспоральное ККП. ИКП включает в себя его компоненты. Количество и характер их адаптации, пределы и наполнение ИКП, как и прочность исконной когнитивной базы, находятся в непосредственной зависимости не только от среды проживания, но и от условий формирования РЯЛ, от адекватности и эффективности лингводидактических и методических решений.

Литература

1. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000.
2. Джанаева В.В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2008.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. Нижний Новгород, 2003.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
5. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
6. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995.
7. Митрофанова О.Д. Методическая проблематика культуроведения // Сборник статей к XII конгрессу МАПРЯЛ. М., 2011.
8. Млечко Т.П. Русский язык как социокультурная переменная // Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей. СПб., 2006.
9. Млечко Т.П. Русская языковая идентичность в условиях многоязычия // Русский язык в Республике Молдова: реалии и перспективы: Материалы республиканской научно-практической конференции. Кишинев, 2007.
10. Млечко Т.П. Русская языковая личность в новой диаспоре // Материалы XII конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Шанхай, 2011. Т. I.

11. Русскоязычный человек в иноязычном окружении: Сборник статей / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой // Slavica helsingiensia, 24. Helsinki, 2004.
12. Языковое сознание нашего современника: когнитивная структура и лингвокультурное содержание: Проект РФФИ / Науч. рук. проекта Ю.Н. Караулов // philippovich.ru/Projects/Karaulov/grant.htm.

T.P. Mlecico

**INDIVIDUAL COGNITIVE SPACE OF THE RUSSIAN-SPEAKING PERSONALITY
IN THE NEW IDENTITY ABROAD**

Russian abroad, new diaspora, speaking personality, cognitive base, individual cognitive space.

Today the Russian language for Russians, living in the former Soviet Union and studying it as a mother tongue, more and more, in spite of the essential difference in terminology, falls in a certain sense, under the designation “the Russian language abroad”, “Russian for foreigners”. It is due to the increased impact of the foreign language media and the occurrence of significant gaps in a cognitive base of the Russian-speaking personality (RSP) in the new diaspora of the near abroad. To gain the better understanding of the RSP it is important not only to study the phenomenon of the Russian-speaking personality and appreciate the processes in the Russian-speaking former Soviet space but to develop effective decisions, including lingvodidactic and methodical, to preserve it, to reproduce a qualitative RSP outside Russia.

НОВОСТИ   НОВОСТИ   НОВОСТИ   НОВОСТИ   НОВОСТИ

16–19 ноября 2011 г. в РУДН прошла **XII Всероссийская олимпиада для студентов по РКИ**. Среди участников были представители Австрии, Азербайджана, Албании, Анголы, Бенина, Болгарии, Бурунди, Вьетнама, Ирака, Италии, Йемена, Камеруна, Кипра, Китая, Колумбии, Конго, КНДР, Республики Корея, Кыргызстана, Мозамбика, Монголии, Мьянмы, Намибии, Нигерии, Норвегии, Пакистана, Турции, Узбекистана, Черногории. Команды учащихся представляли более 20 различных российских вузов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Олимпиада ежегодно проводится кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН. По мнению оргкомитета, руководителей команд это мероприятие способствует воспитанию толерантности, установлению контактов между иностранными студентами, обучающимися в разных уголках России, укреплению престижа русского языка как предмета изучения и средства получения образования в высших учебных заведениях РФ, распространению актуальной информации о России, ее культуре и достижениях, продвижению ее позитивного образа за пределами страны, распространению русского языка за рубежом. В этом году тема олимпиады была посвящена космосу. В течение двух дней студенты боролись за право получить призовые места в гуманитарном и естественнонаучном направлениях.

С.А. Дерябина, И.А. Марков

В ноябре 2011 г. в городской ратуше Цюриха состоялся **концерт «Русская душа»**. Профессиональные артисты и любители, дети и взрослые показывали жителям Швейцарии богатство культурного наследия и характер народа в русских народных песнях и танцах. Среди выступавших были детский и взрослый танцевально-музыкальные коллективы Русского детского центра «Матрешка», профессиональный квартет песни и танца «Русская карусель», танцевальная группа «Березки» Русско-швейцарского центра «Родник» в Аарау. Организатором мероприятия выступил РДЦ «Матрешка». Концерт прошел в рамках грандиозного культурного выставочного проекта правительства кантона Цюрих под названием «Кусочек неба на земле – восточные церкви Цюриха». Цель акции – рассказать жителям страны об истории восточных церквей, в том числе и о русском православии и русской культуре в Швейцарии. Центральным событием проекта стала выставка в городской ратуше Цюриха, где в фотографиях, фильмах, предметах церковного культа, предметах обихода и других экспонатах была представлена жизнь церковных общин.

Администрация Русского детского центра «Матрешка»